

A portrait of a man with dark hair and a beard, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is blurred, showing vertical lines and soft light.

*Asya
Qui*

БЫВШИЙ ДРУГ

современный любовный роман

Asya Qui

БЫВШИЙ друг

<https://litres.ru/74206003>

Аннотация

— Суть проста. Мне нужна жена.

Тишина в кабинете становится оглушающей.

— Простите, что? — давлюсь воздухом. — Жена?

— Фиктивная, — уточняет. — Временная. На три месяца. Моя помолвка с Дейзи Вудлок расторгнута. Это конфиденциальная информация. Для заключения одного критически важного контракта мне необходим статус семейного, надежного человека. Мой партнер повернут на семейных ценностях.

Смотрю на него во все глаза.

— И вы решили предложить это мне? Женщине, которая утром облила вас кофе, а сейчас ползала у ваших ног с кактусом?

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	13
Глава 2.	16
Глава 3.	23
Глава 4.	32
Глава 5.	41
Глава 6.	49
Глава 7.	56
Глава 8.	65
Глава 9.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пролог

Тринадцать лет назад...

Дождь лупит по стеклу с таким остервенением, точно пытаются пробить окно моей спальни насквозь. Подоткнула под себя голые ноги, натянув колючий мамин плед чуть ли не до подбородка. На коленях раскрыта «Гордость и предубеждение». Строчки сливаются в сплошное черное месиво. Пялюсь на один и тот же абзац минут пятнадцать.

Три глухих удара. Секунда тишины. И еще один.
Книга летит на ковер.

Черт.

Это Кейн. Никто в мире больше так не стучит в эту дверь.

Вскакиваю, путаясь в дурацкой бахромке пледа. Врезаюсь бедром в угол тумбочки — больно, блин, — но несусь в прихожую. Мельком ловлю свое отражение в зеркале. Жесть. На голове гнездо, отцовская футболка висит мешком, заканчиваясь где-то у колен, а на носу очки.

Сдернуть их? Поздно.

Щелкаю замком, распахивая дверь.

Кейн вваливается внутрь вместе с потоком сырого воздуха. И у меня тупо отказывают легкие. Его серая футболка стала второй кожей. Мокрая ткань облепила плечи, грудь, кубики пресса. С темных волос вода ручьями стекает на шею, исчезая за воротом.

Перестань плялиться, Миа. Отвернись.

— Ты промок, — выдавливаю из себя.

Гениально. Просто браво.

Он встряхивает головой. Брызги летят во все стороны, пара капель попадает мне на щеку.

— Ливень стеной, — проводит ладонью по лицу, стирая воду. Взгляд цепляется за меня. — Пустишь переждать? Или выставишь обратно мокнуть?

Киваю с такой силой, что очки съезжают на переносицу. Поправляю их средним пальцем. Чувствую себя посмешищем.

— Стой тут. Полотенце сейчас принесу.

Срываюсь с места. В ванной опираюсь руками о раковину, глядя на свое покрасневшееся лицо. *Выдохни. Это Кейн. Сосед. Друг детства.* И парень, от которого у меня последние полгода стабильно сводит низ живота, а сны такие, что просыпаюсь в липком поту.

Хватаю чистое полотенце. Возвращаюсь в гостиную.

Он уже сидит на диване. Вмятина на подушке от моего тела еще не расправилась, а он уже там. Занял мое место. От одной этой мысли бросает в жар.

— На. Вытирайся.

Протягиваю махровую ткань. Он берется за край, его костяшки мажут по моим пальцам. Разряд. Статическое электричество бьет так, что я отдергиваю руку, едва не уронив полотенце ему на колени.

— Спасибо, — трет волосы, исподлобья глядя на сброшенную на пол книгу. — Снова твоя классика? Наизусть еще не выучила?

— Это шедевр, вообще-то, — бурчу, усаживаясь на другой край дивана. Между нами сантиметров сорок. — Там все сложно. Люди строят стены, придумывают предлоги, чтобы ненавидеть друг друга, а потом оказывается, что это просто защитная реакция от того, что их тянет...

Осекаюсь.

Кейн перестал вытирать голову. Полотенце висит на шее. Он смотрит на меня. Прямо, тяжело. Без привычной дружеской насмешки. От этого взгляда внутри все сжимается в тугой узел.

— Продолжай, — сдвигается по дивану. Ближе. Сантиметров двадцать. Десять. — Ты прикольно морщишь нос, когда говоришь.

Прикольно.

Воздух в комнате становится густым. Мне нечем дышать. Его рука медленно поднимается. Замираю. Инстинкт самосохранения орет: «Беги!», но тело парализовано.

Его пальцы касаются дужек моих очков. Осторожно, почти невесомо, он стягивает их с моего лица и кладет на журнальный столик. Мир вокруг теряет четкость, расплывается в пятна. Но лицо Кейна — близко. Слишком близко. Я вижу каждую темную ресничку.

— Так лучше, — шепчет.

Его ладонь не возвращается на место. Большой палец мягко ложится на мою щеку. От этого прикосновения по позвоночнику бьет ток.

— Ты за ними прячешься, Миа. А у тебя глаза... красивые. *Красивые.*

Грудная клетка сейчас треснет. Сердце колотится где-то в горле. Он наклоняется. Взгляд падает на мои губы. Инстинктивно приоткрываю рот, закрывая глаза. Запах дождя и чего-то мятного бьет по рецепторам.

БАМ! БАМ! БАМ!

Грохот во входную дверь отдается в черепе.

Кейн отшатывается так, словно его ударило током. Вскрикивает с дивана. Вся мягкость слетает с его лица, оставляя только жесткую, почти агрессивную маску.

— Кейн! Мелкий ублюдок, я знаю, что ты там! — визгливый, пьяный голос его матери пробивается сквозь шум дождя.

— Твою мать... — он с силой трет лицо руками. Смотрит куда-то в пол. Куда угодно, только не на меня. — Мне пора.

Сижу, вцепившись пальцами в обивку дивана. Ни звука не могу издать.

— Кейн! Открывай, паршивец!

Он идет к двери, даже не обернувшись.

— Извини, — бросает в пустоту.

Щелчок замка. Хлопок двери.

Тишина.

Подтягиваю колени к груди, утыкаясь в них лбом. Пальцы сами тянутся к щеке. Там, где только что был его палец, кожа горит огнем.

Он хотел. Он точно хотел.

Утро понедельника.

Кейн стоит у своего шкафчика, закидывая внутрь учебники. Вся прошлая ночь — на репите в моей голове. Эти миллиметры между нашими губами. Мне нужно знать. Просто услышать, что я не выжила из ума.

Делаю шаг к нему.

— Кей...

Он оборачивается. Взгляд сталкивается с моим — холодный, пустой. Он с грохотом захлопывает железную дверцу, разворачивается на пятках и уходит по коридору, даже не кивнув.

Какого черта?

Вторник. Среда. Четверг.

Он испарился. Точнее, стал призраком. В столовой садится с парнями из футбольной команды, хотя мы всегда ели вместе за угловым столом. На биологии пересел на заднюю парту. Избегает меня с маниакальным упорством.

Я схожу с ума.

В пятницу после шестого урока я не выдерживаю. Караулю его у черного входа. Он выходит, натягивая капюшон толстовки, смотрит в землю.

— Стой.

Преграждаю ему путь.

Он останавливается. Сжимает челюсти.

— Отойди, Миа. Я спешу.

— Куда? От меня бежишь? — хватаю его за рукав толстовки.

Он смотрит на мою руку так, словно это ядовитая змея.

— Нам не о чем говорить.

— Есть о чем! — не сдаюсь. — Пять минут. На нашем месте. Пожалуйста.

В его глазах мелькает что-то похожее на панику, но он сдается. Коротко кивает.

Идем к старому дубу на заднем дворе.

Сажусь на облупленную краску скамейки. Он остается стоять. Руки глубоко в карманах. Плечи напряжены.

— Что ты хотела? — тон рубит с плеча.

Слова, которые я репетировала перед зеркалом, растворяются. Горло пересохло. Смотрю на носки своих кед.

Просто скажи это. Хуже уже не будет.

— Из-за того, что было в пятницу...

— В пятницу ничего не было, — резко обрывает.

Поднимаю голову.

— Было. Ты чуть не поцеловал меня. И я... — делаю судорожный вдох. — Я давно хотела сказать. Я люблю тебя, Кейн. Не как друга.

Тишина. Такая плотная, что звенит в ушах. Он не моргает.

Лицо каменеет.

— Ты несешь бред, Миа.

— Это не бред! Я же видела, как ты смотрел на меня!

— Как на соседку! — желваки ходят ходуном. — Ты хорошая девчонка. Умная. Правильная. У тебя все по полочкам.

Правильная.

— Но? — шепчу.

Он отводит взгляд, смотрит на фасад школы.

— Но я не смотрю на тебя так. Ты мне не нужна в этом плане. Усекла? Извини, если дал повод придумать себе сказку.

Пощечина. Физическая боль была бы слабее.

Не нужна.

Встаю. Ноги — вата.

— Ясно. Спасибо, что прояснил.

— Миа... — он делает полшага ко мне. Рука дергается из кармана.

— Не трогай меня, — отшатываюсь. — Все нормально. Просто забудь.

Мы оба знаем, что после этого «забудь» мы больше никогда не будем сидеть на этой скамейке. Разворачиваюсь и иду к дороге. Не бегу. Держу спину ровно.

Только не реви. Только не здесь.

Дохожу до поворота, сворачиваю в переулок и сползаю по кирпичной стене на асфальт. Дышать больно. В груди — огромная, ледяная дыра.

— Мы переезжаем в Блэкмур.

Мама кладет ложку для салата. Папа довольно кивает.

— Повышение, милая. Новый филиал. Новая школа для тебя. С чистого листа!

Смотрю на кусок курицы в своей тарелке. Блэкмур. Это триста миль отсюда. Триста миль от него.

— Когда? — спрашиваю ровно.

— Через две недели. Нам нужно быстро собраться. Ты ведь не расстроена? Друзья...

— Нет. Я рада.

Родители удивленно переглядываются. А я беру вилку. Две недели. Вытерпеть этот ад в школе, а потом меня здесь не будет. Больше никаких пересечений в коридорах. Никаких случайных взглядов. Идеально.

Последний день. Закидываю в спортивную сумку тетради, ручки, дурацкий магнитик с дверцы шкафчика.

— Значит, переезжаешь.

Голос бьет по нервам. Оборачиваюсь.

Кейн. Под глазами залегли темные тени. Выглядит так, словно не спал неделю. Толстовка мятая.

— Завтра утром, — закрываю шкафчик.

— Блэкмур?

— Да.

Зависаем. Слова крутятся на языке, но они никому не нужны. Никаких «почему», никаких «прости».

— Можно... — он прочищает горло. — Обнять на прощание?

Вздрагиваю. Зачем? Чтобы сделать еще больше? Но тело предает мозг. Я едва заметно киваю.

Он делает шаг. Его руки обхватывают меня. Жестко. Слишком крепко. Утыкаюсь носом ему в грудь. Запах порошка, дешевого дезодоранта и табака. Он курил? Никогда раньше этого не делал. Вдыхаю этот запах, намертво отпечатывая его на подкорке.

— Береги себя, Миа, — хрипло шепчет куда-то мне в макушку.

Его губы на долю секунды касаются моих волос.

Он отступает первым. Лицо снова закрыто. Ничего не выражает.

— Прощай, Кейн.

Подхватываю сумку и иду к выходу. Шаг, еще один. Быстрее. Толкаю тяжелую стеклянную дверь школы.

Весенний ветер бьет в лицо. Яркое, тошнотворное солнце. Я уезжаю. Вычеркиваю его. Начинаю заново.

Глубокий вдох.

Без него.

Глава 1.

Наши дни...

Изабелла

Духота вагона въедается в поры. Смесь дешевого парфюма, перегара и чужого пота. Держусь за поручень, балансируя на каблуках. В правой руке — спасительный стакан с двойным латте. Колеса скрежещут на повороте, вагон дергается. Меня впечатывают в чью-то спину.

Бесит. Ненавижу метро по утрам.

— Куда прешь?! — визг слева перекрывает шум поезда.

Поворачиваю голову. Блондинка в строгом костюме и замученная жизнью тетка с необъятным баулом устроили бои без правил.

— Сама свои грабли убери! — огрызается тетка, пытаюсь протиснуться к выходу.

Делаю шаг назад, чтобы не попасть под раздачу. Вагон снова резко тормозит. Блондинка взмахивает рукой, защищая свою сумочку, и ее острый локоть с размаху влетает мне под ребра.

Пальцы разжимаются.

Картонный стакан летит вниз. Горячий кофе фонтаном окатывает чью-то белоснежную рубашку.

— Какого хрена?! — низкий, рычащий голос бьет по барабанным перепонкам.

Поднимаю глаза.

Твою мать.

Дыхание вырубает. Воздух застревает где-то в трахее.

Почему-то я сразу узнаю его. Кейн.

Тринадцать гребаных лет прошло, но мозг выдает совпадение за долю секунды. Идеально скроенный костюм, дорогая укладка, жесткая линия челюсти с легкой щетиной. И глаза — темно-карие, злые, ледяные.

Стал еще более охренительным. А я стою перед ним с пустой картонкой в руках, как полная идиотка.

— Разучилась держать стакан? — он брезгливо стряхивает коричневые капли с шелкового галстука.

Скажи что-нибудь. Не стой столбом.

— Простите, — выдавливаю из себя. — Меня толкнули.

Он поднимает взгляд. В упор. Глаза сужаются.

— Меня не волнует, кто кого толкнул. Рубашка испорчена. Костюм стоит пять кусков, — он оттягивает лацкан пиджака. — За химчистку тоже извинениями расплатишься?

Пять тысяч баксов. Моя зарплата за несколько месяцев. Хочется огрызнуться, но горло перехватывает от паники. Я боюсь, что он меня узнает. Я больше не Миа в дурацких очках, я Изабелла Росс — стройная, с каре и идеальным макияжем. Но страх липкими щупальцами сковывает внутренности.

— Я могу перевести вам деньги на чистку, — вру, судорожно соображая, какой у меня лимит на кредитке.

Он замолкает. Прищуривается. Наклоняется чуть ближе. Запах дорогого парфюма — что-то древесное, терпкое — перебивает вонь метро.

— Погоди-ка, — его взгляд сканирует мое лицо. Медленно. Цепко. — Мы раньше не пересекались?

Желудок падает в район колен. *Он вспомнил. Сейчас он скажет "Миа?"*.

— Нет, — мотаю головой. Слишком резко. — Обозначились. Точно нет.

Он хмурится. Оценивает меня еще секунду.

— Хм. Показалось.

Динамик над головой хрипит, объявляя мою станцию. Двери с шипением разъезжаются.

— Еще раз простите за кофе! — бросаю на выдохе.

Ныряю в толпу, расталкивая людей плечами. Не оглядываюсь. Выскакиваю на платформу. Шаг, еще шаг. Подальше от этого вагона.

Прислоняюсь спиной к холодной мраморной колонне. Воздух со свистом вырывается из легких. Руки трясутся так, что не могу нащупать телефон в кармане.

Кейн Райт. Он здесь. И он превратился в еще большего надменного, самоуверенного мудака.

Смотрю на время. Опаздываю. *Плевать*. Этот день уже официально пробил дно. И вряд ли дальше будет лучше.

Глава 2.

Изабелла

Стучу каблуками по асфальту, как заведенная. В висках пульсирует дурацкая, ритмичная боль. Рот пересох, язык царапает нёбо. Лавирую в потоке утренних клерков, уворачиваюсь от чьего-то стакана с кофе.

Только не кофе. Хватит на сегодня.

Лицо Кейна намертво впечаталось в сетчатку. Эти потемневшие глаза, жесткая линия губ. Твою мать, почему он стал настолько притягательным? Эта его уверенность сытого хищника бьет по нервам сильнее, чем воспоминания о том, как он отшил меня под тем дубом.

Трясу головой. *Выкинь его из головы. Ты опоздала на двадцать минут.*

Пытаюсь на ходу достать пропуск, и телефон выскальзывает из потных пальцев.

Хруст.

Мобильник летит экраном прямо на гранитную плитку. Какая-то мымра в сером тренче брезгливо перешагивает через него, фыркнув мне в лицо.

Поднимаю аппарат. Паутина трещин от угла до угла. Экран мертв.

Отлично. Просто охренительное утро.

Влетаю в холл бизнес-центра и торможу. У турникетов

— толпа. Люди с картонными коробками. Гул стоит такой, словно улей растревожили. Лица потерянные, кто-то откровенно ревет.

Выцепляю взглядом Джоша из аналитического. Обычно на нем костюмы сидят как вторая кожа, ни пылинки. Сейчас галстук сбит набок, рубашка выбилась из брюк. В руках он судорожно стискивает лоток для бумаг.

— Джош? Что случилось?

Хватаю его за локоть.

Он дергается. Глаза шальные.

— Изи? А ты где была? Все, приплыли. Нас слили.

— В смысле слили? Кого?

— Компанию купили. Новый владелец зачищает кадры. Массовое сокращение, одним днем, с выходным пособием. У меня ипотека, Изи! Жена в декрете!

Он вырывает руку и несется к выходу.

Внутри все обрывается. Желудок скручивает ледяным спазмом. *Кредиты. Аренда за квартиру. Жить на что?*

Впихиваюсь в лифт. На нашем этаже — месиво. В приемной девчонки из бухгалтерии пакуют папки. Лара всхлипывает, размазывая тушь по щекам.

Мэгги выныривает из толпы, хватая меня за плечи так, что ногти впиваются сквозь блузку.

— Изи! Господи, ты здесь.

— Мэгги, скажи, что Джош несет бред.

— Если бы, — она судорожно сглатывает. — Руководство

сменилось. Режут всех подряд.

Дверь переговорной распахивается. Шум мгновенно стихает. Выходит Джек из отдела кадров. Бесстрастный робот с планшетом в руках.

— Коллеги. Внимание, — его голос режет тишину. — Согласно распоряжению нового генерального директора, в рамках оптимизации штата...

Дальше я не слышу. Белый шум в ушах. Ладони становятся мокрыми и холодными. Джек монотонно зачитывает фамилии.

— Изабелла Росс.

Воздух застревает в легких.

— Вы, издеваетесь?! — Мэгги дергается вперед, загораживая меня. — Она лучший продажник года! Она вам ручку делает, идиоты!

— Решение обжалованию не подлежит, — чеканит Джек, даже не подняв глаз.

Уволена.

Ноги несут к рабочему месту на автопилоте. Полтора года жизни в этой конторе. Ишачила по выходным, забыла, как выглядит нормальный сон. Ради чего? Чтобы меня вышвырнули за две минуты?

Кидаю в коробку фото родителей. Кактус, который чудом выжил под кондиционером. Кружку. Канцелярию. Руки дрожат так, что степлер грохается на стол с мерзким звуком.

Горло сдавливают.

Подхватываю коробку. Тяжелая, зараза. Иду к лифтам, глядя под ноги. Злость мешается с отчаянием. Может, оно и к лучшему? Сдохнуть в этом офисе — так себе перспектива.

Носок туфли цепляется за стык ковролина.

Коробка кренится. Пытаюсь перехватить, но центр тяжести смещается.

Грохот.

Мой кактус, стикеры, ручки — все это разлетается по коридору. А сама я влетаю плечом во что-то твердое. В чью-то грудь.

— Блин... Да что за день-то такой! — шиплю, падая на колени, судорожно сгребая вещи.

Стикеры рассыпаются. Фотография падает стеклом вниз. Руки не слушаются.

— Тебе помочь?

Бархатный, низкий голос. Волоски на затылке встают дыбом.

Поднимаю голову.

Черные туфли ручной работы. Идеально выглаженные брюки. Тот самый пиджак.

Кейн.

Он смотрит на меня сверху вниз. Без злости. Скорее с каким-то холодным, аналитическим интересом.

— Вы... — выдыхаю, чувствуя, как щеки заливают краской. Встретиться с ним дважды за утро. И оба раза — в роли полной неудачницы. — Что вы здесь делаете?

Он плавно опускается на корточки рядом со мной.

— Инспектирую свою новую собственность.

Мозг скрипит, сопоставляя факты. Новый владелец. Мас-совые увольнения.

— Это вы меня уволили, — констатирую.

— Я уволил тридцать процентов штата, — поправляет, складывая стикеры в аккуратную стопку. — Ничего личного. Оптимизация.

— Я сама соберу, — выхватываю у него рамку. Злость наконец-то прорывает плотину страха.

— Встань, — его голос звучит тихо, но так, что послушаться невозможно. Приказ.

Поднимаюсь, отряхивая юбку. Он встает следом. На голову выше меня. Заполняет собой все пространство коридора.

— У меня к тебе деловое предложение.

Моргаю.

— Что? Вы меня только что на улицу выкинули. Буквально.

— И предлагаю работу, которая оплачивается втрое выше твоей прежней ставки, — он указывает рукой в сторону кабинета гендиректора. — Зайдем. Обсудим.

Стою, как вкопанная. Идти к нему в кабинет? К парню, который тринадцать лет назад растоптал мои чувства, а сегодня разрушил мою карьеру?

Но здравый смысл истерично вопит: *У тебя на карте ноль. Выслушай его, дура.*

Молча разворачиваюсь и иду в кабинет.

Дверь за нами закрывается, отсекая офисный шум. Кейн проходит к огромному столу, но не садится. Опирается бедром о столешницу, скрещивает руки на груди. Внимательно меня разглядывает.

— Суть проста. Мне нужна жена.

Тишина в кабинете становится оглушающей.

— Простите, что? — давлюсь воздухом. — Жена?

— Фиктивная, — уточняет. — Временная. На три месяца. Моя помолвка с Дейзи Вудлок расторгнута. Это конфиденциальная информация. Для заключения одного критически важного контракта мне необходим статус семейного, надежного человека. Мой партнер повернут на семейных ценностях.

Смотрю на него во все глаза.

— И вы решили предложить это мне? Женщине, которая утром облила вас кофе, а сейчас ползала у ваших ног с кактусом?

Уголок его губ едва заметно дергается.

— Именно. У тебя есть характер. Ты не стала передо мной лебезить. Плюс, ты не из моего круга, а значит, у нас не будет пересечений после окончания контракта.

Не из твоего круга. Отлично. Знал бы ты, Кейн, из какого мы с тобой круга на самом деле.

Он достает из внутреннего кармана пиджака плотную черную визитку с золотым тиснением. Протягивает мне.

Тянусь к картонке. Мои пальцы задевают его.

Разряд тока прошивает кожу. Резкий, обжигающий. Точно такой же, как тринадцать лет назад, когда я передавала ему полотенце.

Судорожно сжимаю визитку, отдергивая руку.

— Мне нужно подумать.

— Думай. Но у меня нет времени, — он смотрит на свои часы. — Жду звонка до вечера. Иначе найду другую.

Разворачиваюсь на каблуках и выхожу из кабинета.

Дверь закрывается. Прислоняюсь к стене холодной щекой.

Фиктивный брак. С Кейном Райтом.

Это либо джекпот, либо самый изощренный способ самоубийства. И почему-то я уверена, что второе вероятнее.

Глава 3.

Черный матовый картон визитки обжигает пальцы. Золотое тиснение «Кейн Райт». Буквы уже въелись в сетчатку, пока я гипнотизирую этот кусок бумаги последние минут двадцать.

Звонить? Глупый вопрос. У меня на счету сумма, которой хватит ровно на неделю выживания на лапше быстрого приготовления. Конечно, я позвоню. Гордость — хреновый гарнир.

Глубокий вдох. Набираю номер. Палец висит над зеленой кнопкой. Соберись, Изабелла. Ты больше не та заикающаяся девчонка в очках.

Жму вызов. Гудки режут слух. Один. Второй. Третий. Может, он передумал? Или вообще забыл?

— Райт, — резкий, глубокий баритон бьет прямо по нервам. Во рту мгновенно пересыхает.

— Мистер Райт? — голос звучит хрипло. Откашливаюсь. — Это Изабелла Росс. По поводу вашего... утреннего предложения.

В трубке повисает пауза. Слышу только ровное дыхание на том конце провода. Желудок скручивается в узел.

— Быстро сдалась, Изабелла, — в его тоне скользит откровенная усмешка. — Я ставил на то, что ты продержишься хотя бы до вечера.

Стискиваю зубы. Самоуверенный мудака.

— У меня нет времени на игры в гордость. Вы предложили сделку. Я готова обсудить условия. Но предупреждаю сразу: если это какая-то извращенная шутка...

— Я не шучу с деньгами, — жестко обрывает Кейн. — Обсудим лично. Адрес сейчас скину. Жду через час.

— Час? — смотрю на свои домашние треники с вытянутыми коленками. — Это невозможно. Мне нужно собраться, доехать по пробкам...

— Пятьдесят минут, Изабелла. Мое время стоит дорого. Короткие гудки.

Смотрю на погасший экран. Офигеть. Он даже не дал мне договорить. Телефон вибрирует, выплевывая сообщение с адресом. Элитный жилой комплекс в центре, где даже воздух, наверное, платный.

Следующие сорок минут — сплошная паническая атака. Вытряхиваю шкаф на кровать. Что надеть на встречу к парню, который нанимает тебя на роль жены? Строгий костюм? Слишком по-офисному. Платье с декольте? Еще решит, что я рассчитываю на должность эскортницы. Хватаю черное платье-футляр. Глухой ворот, длина чуть ниже колена, но сидит как вторая кожа. Броня. То, что нужно.

Быстрый макияж, волосы зачесаны в строгий хвост. Смотрю в зеркало. Изабелла Росс. Холодная, собранная, отчаянно нуждающаяся в деньгах женщина. Никакой Мии Томпсон здесь нет. И он ее не увидит.

Скоростной лифт вдавливают в пол, унося меня на верхний этаж. Уши закладывает.

Двери разъезжаются с тихим шипением. Никакого коридора — кабина открывается прямо в гостиную размером с футбольное поле. Стекло, бетон, матовый черный металл. И панорамные окна от пола до потолка, за которыми горит вечерний город.

Кейн стоит спиной ко мне, засунув руки в карманы темно-серых брюк. Белая рубашка безупречно облегает широкие плечи. Услышав шаги, он медленно оборачивается. Цепкий взгляд темных глаз сканирует меня с головы до ног, задерживаясь на лице чуть дольше, чем диктуют правила приличия.

— Опоздала на четыре минуты, — констатирует, отходя от окна.

— Пробки, — парирую, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не умею телепортироваться, мистер Райт.

Уголок его губ дергается вверх.

— Проходи. Садись.

Опускаюсь на край кожаного дивана. Кожа холодная, гладкая. Воздух здесь пахнет озоном, дорогим парфюмом и абсолютной властью. Кейн не садится. Подходит к бару из черного мрамора, достает бутылку воды, наливает в стакан. Пьет, не сводя с меня глаз. Я пялюсь на то, как дергается его кадык. Отвожу взгляд.

— Перейдем к делу, — он ставит стакан, берет со стола толстую папку и бросает ее на стеклянный журнальный столик передо мной. Раздается глухой хлопок. — Мне нужна жена. Срочно. На три месяца.

Моргаю. Одно дело — услышать это в офисе, другое — здесь, в его логове.

— Почему я? Вы могли нанять профессиональную актрису. Или эскортницу. С вашими-то ресурсами.

Кейн опирается бедром о столешницу, скрещивая руки на груди.

— Актрисы переигрывают и требуют внимания. Эскортницы задают лишние вопросы и ждут чаевых в постели. Ты — чистый лист. Тебе отчаянно нужны деньги, раз ты прибежала сюда, едва лишившись работы. А мне нужен железобетонный статус семьянина для одного упертого консервативного инвестора. Никаких соплей. Чистый бизнес.

Глотаю вязкую слюну. Чистый бизнес.

— Условия?

— Твоя прежняя зарплата, умноженная на три, падает на счет первого числа каждого месяца, — чеканит он. — Плюс бонус по завершении контракта, которого хватит на первоначальный взнос за хорошую квартиру. Я оплачиваю все твои текущие счета. Выдаю корпоративную безлимитку — одежда, салоны красоты, всё, что нужно, чтобы ты выглядела как жена генерального директора, а не как... — его взгляд снова скользит по моему платью, — офисный клерк.

Стискиваю зубы, чтобы не огрызнуться.

— А что взамен?

— Живешь здесь, — он обводит рукой гостиную. — Сопровождаешь меня на ужинах, благотворительных вечерах, улыбаешься прессе. Изображаешь идеальную жену.

— Жить здесь? Обязательно? — напрягаюсь, вжимаясь в спинку дивана. — Мы можем просто приезжать на мероприятия вместе.

— Нет. Служба безопасности моего партнера проверит всё. Если мы не ночуем под одной крышей, легенда посыплется, — голос Кейна становится жестче. — У тебя будет своя спальня, не переживай.

— А интим? — вопрос вырывается раньше, чем я успеваю прикусить язык. Щеки мгновенно вспыхивают.

Кейн тихо усмехается. Холодно. Оценивающе.

— Выдохни, Изабелла. Интим в райдер не входит. У меня нет проблем с тем, чтобы найти, с кем переспать. Ты здесь исключительно для декорации.

Декорация. Больно укололо, но одновременно отлегло от сердца.

— А если я нарушу правила? Или проговорюсь?

Он кивает на папку.

— Пункт о конфиденциальности на пятой странице. Если сольешь информацию прессе или кому-то из знакомых — неустойка пустит тебя по миру. До конца жизни будешь плачаться. Читай.

Открываю папку. Строчки сливаются перед глазами. Цифры с шестью нулями. Жесткие рамки. Абсолютный контроль. Но это — мой выход из долговой ямы. И шанс доказать себе, что я могу быть рядом с ним и ничего при этом не чувствовать. Беру ручку, лежащую поверх контракта. Перо царапает бумагу. Подпись. Еще одна. Готово.

Кейн наблюдает за мной с легким интересом. Подходит к бару, достает бутылку "Вдовы Клико" и два хрустальных бокала.

— За взаимовыгодное сотрудничество.

Он протягивает мне бокал. Наши пальцы случайно соприкасаются. Разряд. Мелкий, колючий ток прошивает кожу. Резко отдергиваю руку, едва не расплескав шампанское. Он делает вид, что ничего не заметил. Звон хрусталя разрезает тишину пентхауса. Делаю глоток. Пузырьки бьют в нос, а в голове шумит.

Дешевый кожзам моего дивана противно скрипит, когда я падаю на него с размаху. Сумка летит на пол, телефон выпадает на ковер. Стягиваю туфли, массируя гудящие ступни. В висках пульсирует тупая боль.

Жесть. Я просто взяла и продала себя на три месяца парню, который тринадцать лет назад растоптал мои первые чувства, а сегодня утром оставил без работы. Идеальная карьерная лестница, Изабелла.

Экран телефона на полу вспыхивает. Фото Лорен и куча

орущих смайликов. Подбираю трубку, провожу пальцем по экрану.

— Изи! Если ты сейчас скажешь, что мы не идем в "Бархат" в пятницу, я приеду и выломаю твою дверь! — голос по-други бьет по ушам. — Джейсон достал вип-браслеты! Там будут такие коктейли...

— Ло, — перебиваю ее. Голос дрожит. — Я не иду в клуб. Я... я переезжаю.

На том конце повисает тяжелая тишина.

— В смысле переезжаешь? Куда? Тебя что, выселили за долги? Я же говорила, займи у меня!

— Нет. Не выселили. Меня уволили сегодня утром.

— Твою мать! Изи... — Лорен моментально сбавляет тон, становясь серьезной. — Так, слушай, собирай вещи, поживешь у меня. Прорвемся.

Сглатываю колючий ком в горле.

— Ло, ты помнишь Кейна?

— Какого Кейна? — она запинаятся. — Подожди. Того самого Кейна? Твоего соседа? По которому ты сохла в старшей школе, пока он тебя не отшил, и ты не сбежала в закат, а потом вляпалась в Лэндона?

— Да. Этого. Он купил нашу компанию. Он меня уволил.

— Я сейчас приеду и сожгу его офис, — рычит Лорен.

— Не надо. Он предложил мне работу.

— Какую работу после увольнения? Ты бредишь от стресса?

Встаю с дивана, начинаю наворачивать круги по тесной гостиной.

— Он предложил мне стать его фиктивной женой на три месяца. За полмиллиона долларов.

Лорен молчит так долго, что я проверяю, не оборвалась ли связь.

— Ты сейчас пошутила, да? — наконец сипит она. — Женой? Фиктивной?! Охренеть! Он тебя узнал?!

— Нет! Конечно нет! Я выгляжу вообще по-другому!

— И ты согласилась? — голос Лорен становится подозрительно вкрадчивым. — Жить с парнем, чье имя ты выцарапывала на пенале? Изи, ты же в курсе, что это клиника?

— Ло, полмиллиона! Он закроет мои долги! Я смогу дышать! — зарываюсь пальцами в волосы, оттягивая корни. — Это чисто деловая сделка. Никакого секса, никаких чувств. Жить в гостевой спальне, улыбаться на камерах. Всё!

— Никакого секса, — фыркает Лорен. — Жить с охренеть каким богатым, властным мужиком, которого ты когда-то любила, под одной крышей. Ты видела его? Он наверняка возмудел и оброс мышцами. Представь: утро, он выходит из душа, на бедрах полотенце, с пресса стекают капли...

— Прекрати! — рявкаю, чувствуя, как щеки заливает жар. Картинка в голове вырисовывается слишком яркая. — Этого не будет. Мы просто партнеры. Я отработаю свои деньги и исчезну.

— Изи. Это я. Лорен, — ее голос смягчается. — Ты два

года собирала себя по кускам после Лэндона. Ты боишься мужиков как огня. А тут лезешь прямо в пасть ко льву. Ты уверена, что не сломаешься?

Прислоняюсь лбом к холодному стеклу окна. Внизу шумят машины.

— У меня нет выбора, Ло. Деньги решают все. Я закрою все свои проблемы. А Кейн... это просто работа. Я справлюсь.

— Когда переезд?

— Завтра утром.

— Я приеду с вином. Прямо сейчас. Будем собирать твои трусы и морально готовить тебя к роли миллиардерши. Жди.

Она отключается. Смотрю на темный экран телефона. Завтра моя жизнь изменится. Я снова вступаю на минное поле, и на этот раз у меня нет права на ошибку. Никаких чувств, Изабелла. Только холодный расчет.

Глава 4.

Солнце бьет сквозь панорамные окна с такой яростью, точно пытается выжечь мне сетчатку. Кондиционер гудит где-то под потолком, но по спине все равно течет липкая капля пота. В сотый раз одергиваю подол юбки. Слишком коротко? Слишком по-офисному?

Ступени лестницы едва слышно поскрипывают.

Кейн.

Даже не оборачиваясь, знаю, что это он. У него особенный шаг. Тяжелый, впечатывающийся в пол. Так ходят люди, которые привыкли, что мир расступается перед ними.

Поворачиваюсь. Черт. Белая рубашка сидит на нем так, словно сшита прямо на его теле. Ткань натягивается на плечах, обрисовывая рельеф, когда он застегивает запонки. Темные джинсы низко сидят на бедрах. Глотаю вязкую слюну.

— Выглядишь помятой, — бросает вместо приветствия, скользнув по мне равнодушным взглядом. — Плохо спала?

— Отлично спала, — вру, сжимая пальцы в кулаки, чтобы не выдать дрожь.

Всю ночь пялилась в потолок, прокручивая в голове пункт о неразглашении и тот факт, что я продалась парню, от которого до сих пор бросает в жар.

Он хмыкает. Не верит. Проходит мимо, даже не задев ме-

ня плечом, но меня обдает шлейфом его парфюма. Древесина и перец.

— Иди за мной.

Захожу в его кабинет. Темное дерево, кожа, холодный металл. На массивном столе высится стопка папок.

— У тебя есть опыт работы с первичной документацией? — спрашивает, опираясь бедром о край стола.

Смотрю на гору бумаг. Опыт? У меня есть опыт рисования твоего профиля на полях тетради по биологии.

— Разберусь, — выдавливаю ровным тоном. — Я быстро учусь.

Кейн складывает руки на груди. Его глаза сужаются, сканируя меня от макушки до носков туфель.

— Посмотрим, насколько быстро. Мне нужна сводка по квартальным расходам до вечера, — он хлопает ладонью по верхней папке. — Скучать тебе не придется. Я уехал.

Дверь закрывается.

Выдыхаю так резко, что начинает кружиться голова. Падаю в его кресло. Оно еще хранит тепло его тела. Запах кожи смешивается с его одеколоном. Открываю первую папку. Графики, сметы, многомиллионные суммы. Перед глазами плывет.

Полчаса пытки. Цифры превращаются в бессмысленное месиво.

Блин, мне нужен кофе. Или просто сбежать отсюда на пять минут.

Выхожу в коридор. Тихо. Пентхаус больше похож на стерильный выставочный зал, чем на жилое пространство. Ни одной фотографии. Никаких случайных вещей. Даже на кухне в огромном двустворчатом холодильнике только ряды минералки и пара банок энергетика. Он вообще ест?

Ноги сами несут меня к лестнице на второй этаж. Мозг орет: «Не лезь», но любопытство жжет изнутри. Каким он стал? Что скрывается за этой холодной броней миллиардера?

Первая дверь — тренажерный зал. Тяжелые гантели, груша со стертой кожей. Воображение тут же подкидывает картинку: блестящая от пота спина, напряженные мышцы, сбитое дыхание.

Так, стоп. Отставить фантазии.

Вторая дверь заперта. Дёргаю ручку. Глухо.

Толкаю третью. Спальня.

Замираю на пороге. Огромная кровать, застеленная черным шелком. Все темное, мрачное. Делаю шаг внутрь. На прикроватной тумбочке лежит книга. Подхожу ближе. Потертая обложка. «Гордость и предубеждение».

Сердце делает кульбит и больно бьется о ребра. Seriously? Он? Читает классику, над которой открыто смеялся, когда мне было четырнадцать? Беру книгу. На полях карандашные пометки. Аккуратные подчеркивания. Мои пальцы дрожат.

Взгляд цепляется за верхний ящик тумбочки. Он приоткрыт на пару сантиметров. Внутри что-то блестит. Металл.

Просто задвинь его, Изабелла. Уходи.

Пальцы сами тянут ручку на себя.

Воздух застревает в легких.

Кожаные ремни. Тяжелые металлические наручники. Плетка-хлыст с короткой рукояткой. Какие-то зажимы. Запах дорогой кожи бьет по рецепторам.

Твою мать.

Внизу живота мгновенно стягивается тугой, пульсирующий узел. Перед глазами вспыхивает образ: Кейн, его темные глаза, эти ремни на моих запястьях, шелк под спиной...

— Ищешь что-то конкретное?

Голос бьет хлыстом. Глухой. Низкий. Прямо за спиной.

Вздрагиваю так, что чуть не роняю книгу. Резко оборачиваюсь.

Кейн стоит в дверном проеме. Рубашки нет. Только джинсы. Капли воды стекают по влажным волосам, катятся по широкой груди, исчезая в темной дорожке волос на животе.

Блин. Блин. Блин.

— Я... я заблудилась, — голос предательски сипит.

Он медленно приподнимает бровь. Шаг вперед.

— В моей спальне? — тон издевательский, ровный.

— Искала уборную, — пячусь назад, пока бедра не упрутся в край тумбочки. Отступить некуда.

Я сейчас сгорю со стыда.

— И решила заодно провести ревизию моих тумбочек? — еще один шаг.

Он слишком близко. От него пахнет гелем для душа и

чем-то острым, мужским.

— Я не рылась! Ящик был открыт. Я просто... задела его.

— Задела, значит.

Кейн останавливается вплотную. Между нами жалкие пара сантиметров. Я чувствую жар, исходящий от его кожи. Мне приходится задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. А там — ни капли веселья. Только темный, опасный огонь.

— Знаешь, что бывает с теми, кто лезет не в свои дела, Изабелла? — его голос падает до угрожающего шепота.

Сглатываю. В горле пустыня.

— Нет.

— Они получают по заслугам, — он наклоняется, опираясь одной рукой о тумбочку прямо за моей спиной. — И им это не нравится.

— Извини. Больше не повторится.

— О, я уверен, что не повторится.

Его свободная рука медленно поднимается. Замираю, не в силах вздохнуть. Его большой палец касается моего подбородка, очерчивает линию челюсти, останавливаясь у уголка губ. Кожа там, где он прикасается, полыхает.

— А может, тебе просто стало интересно? — его палец мягко давит на нижнюю губу, заставляя рот приоткрыться. — Хочешь узнать, как это работает на практике?

Дыхание срывается. Внизу живота бьется пульс.

— Сними блузку.

Мозг отказывает.

— Что?.. — сиплю, глядя в эти черные омуты.

— Раздевайся. Это не просьба.

Его ладонь ложится мне на талию. Жестко. Уверенно. Пальцы собственнически сжимают ткань юбки. Разряд тока прошивает тело от макушки до пят. Я должна его оттолкнуть. Должна сказать нет. Но руки висят вдоль тела, как плети.

Резкий, требовательный стук в дверь разрывает звенящую тишину.

Кейн замирает. В его глазах мелькает раздражение. Он резко отдергивает руку, отступая на шаг. Воздух снова врывается в мои легкие.

— Мистер Райт! — голос, приходящей домработницы, доносится из-за двери. — К вам мисс Уэльс. Она ждет внизу.

Мисс Уэльс? Кто это, черт возьми, такая?

Кейн с силой проводит рукой по влажным волосам, сбрасывая наваждение. Челюсти сжаты.

— Передай, что я спущусь через минуту! — кричит в ответ.

Смотрит на меня. Взгляд снова холодный. Ледяной.

— Иди обратно кабинет. И чтобы я больше не видел тебя на этом этаже. Усекла?

Не дожидаясь ответа, он разворачивается и уходит.

Спокойно. Дыши.

Опираюсь дрожащими руками о тумбочку. Закрываю глаза. Губы до сих пор горят от его прикосновения. Он бы за-

ставил меня. Он бы реально заставил меня раздеться. И самое страшное — я бы подчинилась.

Выхожу из спальни на негнущихся ногах.

С первого этажа доносится женский смех. Бархатистый. Дорогой. Голос Кейна отвечает ей что-то тихое, низкое. Никакого металла в тоне.

Злость вытесняет страх.

Спускаюсь по лестнице. Каблуки намеренно громко бьют по ступеням.

Они стоят посреди гостиной. Кейн натягивает чистую рубашку. Рядом с ним — рыжеволосая девушка. Платье-футляр изумрудного цвета облегает ее так, что треснет, если она глубоко вздохнет. Идеальная укладка. Тонкие шпильки. Рядом с ней я чувствую себя серой мышью в помятой офисной блузке.

— Кейн, милый, это уже смешно, — рыжая тянется к нему, её наманикюренные пальцы по-хозяйски ложатся на лацкан его не застегнутой рубашки. — Ты же знаешь, мы можем договориться.

Мои ногти впиваются в ладони. Милый? Какого хрена?

Они оборачиваются на звук моих шагов. Кейн даже не дергается, чтобы убрать ее руку.

— Изабелла, — его тон становится сухим, деловым. — Познакомься. Это Эмбер Уэльс. Мы... сотрудничали над прошлым проектом.

Эмбер медленно скользит по мне взглядом. От макушки

до мысов тупель. Её глаза сужаются. Она оценивает меня. И я явно не прохожу фейсконтроль.

— Сотрудничали? — она обнажает идеальные белые зубы в хищной улыбке, не убирая руку с его груди. — Мы делали не только это. Правда, Кейн?

В груди, что-то колет.

Делаю два шага вперед, расправляя плечи.

— Приятно познакомиться, — чеканю каждое слово.

Кейн неожиданно делает шаг ко мне, отстраняясь от Эмбер. Его тяжелая, теплая ладонь ложится мне на поясницу.

— Изабелла — моя жена, Эмбер.

Слово «жена» звучит как выстрел. У Эмбер дергается глаз. Фальшивая улыбка на долю секунды сползает с её идеального лица, обнажая чистую, неприкрытую злость. Но она быстро берет себя в руки.

— Жена. Надо же. Как... неожиданно, — она снова цепляется за меня взглядом. — Вы не похожи на тех женщин, с которыми он обычно... выходит в свет.

— Зато я похожа на ту, на которой он женился, — слова вылетают раньше, чем я успеваю прикусить язык.

Ладонь Кейна на моей спине напрягается.

— Нам нужно обсудить кое-что, Кейн. Наедине, — Эмбер игнорирует меня, обращаясь прямо к нему.

Кейн убирает руку с моей талии. Мне мгновенно становится холодно.

— Идем в кабинет, — он даже не смотрит на меня. —

Изабелла, вернись к отчетам. Я жду цифры.

Как собаке команду дал. Иди к будке, пока взрослые разговаривают.

— Рада была знакомству, дорогая, — Эмбер проходит мимо, обдавая меня удушливым запахом тяжелого люксового парфюма.

Они уходят в кабинет. Щелчок замка бьет по нервам.

Стою посреди пустой гостиной. Сжимаю челюсти так, что болят зубы. Из-за закрытой двери доносится приглушенный смех Эмбер.

Сотрудничали они. Как же. Я видела, как она на него смотрит.

Резко разворачиваюсь и иду в другой кабинет.

Тебе плевать, Изабелла. Напоминаю себе. Это контракт. Ты получишь свои полмиллиона и исчезнешь. Тебя не должно волновать, с кем он там закрывается в кабинете.

Не должно.

Но почему тогда внутри все горит от желания взять ту самую плетку из его тумбочки и отхлестать эту рыжую стерву по ее идеальному лицу?

Глава 5.

Стук в дверь раздается так резко, что я едва не роняю телефон.

— Мисс Росс? — голос Марты — так зовут домработницу Кейна, приглушен толстым деревом. — Мистер Райт ожидает вас в столовой. Ужин подан.

Ужин. Отлично. После сцены в его спальне и явления рыжей стервы у меня кусок в горло не полезет. Желудок и так стянут тугим узлом.

— Иду! — кричу в ответ, одергивая подол юбки.

Надо было переодеться во что-то глухое, вроде водолазки. Броня мне сейчас не помешала бы.

Спускаюсь вниз. Из столовой тянет запахом пряной тыквы и жареного мяса.

Кейн сидит во главе длинного стеклянного стола. Смартфон в одной руке, вилка в другой. Пиджак он снял, галстук отброшен куда-то на спинку стула, верхние пуговицы рубашки расстегнуты. Выглядит уставшим, но от этого не менее хищным.

Он поднимает глаза, когда я замираю у входа. Темный, нечитаемый взгляд. Ни намек на ухмылку, с которой он прижимал меня к тумбочке.

— Так и будешь там стоять, или всё-таки составишь мне компанию? — тон сухой. Деловой.

Сажусь на стул, максимально удаленный от него. Спину держу так ровно, что позвонки хрустят.

— Ты собираешься весь контракт шарахаться от меня, как от прокаженного? — откладывает телефон экраном вниз.

— Я не шарахаюсь. Просто соблюдаю дистанцию, — беру салфетку, расстилаю на коленях. Пальцы мелко дрожат. — Это ведь ты у нас любитель нарушать личные границы.

Его губы трогает едва заметная усмешка.

— Если ты про утро, то, напомню, это ты вторглась на мою территорию.

— Я уже извинилась.

— Я заметил. Как там цифры в отчете? Сходятся? Или ты весь день думала о том, что увидела в моем ящике?

Бинго. Прямо в цель.

Щеки вспыхивают. Хватаю ложку и начинаю агрессивно мешать суп-пюре.

— Твои извращенные игрушки меня не интересуют. А в документах за прошлый квартал дыра на полмиллиона. Можешь проверить.

Он замолкает. Внимательно сканирует мое лицо. Явно не ожидал, что я действительно найду ошибку в его бухгалтерии.

— Похвально, — наконец произносит, отправляя в рот кусок стейка. — Доедай. Жду тебя в гостинной. Нам нужно обсудить легенду.

Он встает и уходит, бросив салфетку на стол.

Легенду. Ну да. Мы же счастливые молодожены.

Заставляю себя проглотить пару ложек супа, чтобы не упасть в обморок, и иду за ним.

В гостиной приглушен свет. Кейн сидит в глубоком кожаном кресле. На низком столике перед ним — пузатая бутылка и два хрустальных бокала с темно-красным вином.

— Садись, — он кивает на диван напротив.

Опускаюсь на край.

Он протягивает мне бокал. Беру его за тонкую ножку, стараясь не задеть пальцы Кейна. Кожа еще помнит утренний разряд тока. Вино густое, пахнет ежевикой и дубом. Делаю маленький глоток. Терпко.

— Раз мы теперь живем под одной крышей, — он откидывается на спинку кресла, крутя бокал в руке, — нам нужно синхронизировать данные. Служба безопасности моих партнеров будет рыть землю. Они должны поверить, что мы спим в одной постели.

— Я выучила твою биографию из «Форбс», — говорю ровно. — Тридцать два года, основал компанию с нуля, любишь дорогие машины и брюнеток. А, ну и рыжих, как выяснилось сегодня утром.

Его взгляд тяжелеет.

— Оставь Эмбер в покое. Это был рабочий момент.

Он делает долгий глоток вина, не сводя с меня глаз.

— Мне плевать на то, что ты вычитала в интернете, Изабелла. Мне нужны детали. Бытовые мелочи.

— Сплю на правом боку. На завтрак пью черный кофе. Мне двадцать семь, я...

— Стоп, — он поднимает руку, обрывая меня на полуслове. — Эту анкету для отдела кадров засунь подальше. Я спрашиваю о другом.

— О чем же?

Он наклоняется вперед. Ставит бокал на стеклянную столешницу. Воздух между нами мгновенно становится плотным, как перед грозой.

— Что заводит тебя в постели?

Вино идет не в то горло.

Закашливаюсь, прижимая ладонь к груди. Воздух со свистом вырывается из легких.

— Что?! — хриплю, уставившись на него во все глаза.

— Ты прекрасно слышала, — его голос падает на октаву. Бархатный. Опасный. — Если они начнут копать глубоко, всплывут детали. Мне нужно знать твои реакции. Что тебе нравится? Грубость? Или чтобы с тобой обращались, как с хрустальной вазой?

Господи. Он издевается. Точно издевается.

Мой сексуальный опыт после развода с Лэндоном стремится к нулю. Да и с ним все было механически, серо, а в конце — просто страшно.

— Это... не твое дело, — выдавливаю, чувствуя, как шею заливают краска.

— Это часть контракта. Отвечай.

Пялюсь в свой бокал. В голове звенящая пустота. Что я могу сказать? Что сама не знаю, от чего теряю голову? Что единственный мужчина, которого я по-настоящему хотела — это он, тринадцать лет назад под старым дубом?

— Я предпочитаю... нежность, — вру, лишь бы он отстал.

— Внимание. Когда мужчина никуда не спешит. Когда он думает о моих чувствах, а не только о своих инстинктах.

Кейн усмехается. Холодно. И как-то... снисходительно.

— Скучно, — констатирует он.

— Прости, что не оправдала ожиданий. Не у всех в тумбочке лежит инвентарь для порнофильма.

— Это не для фильмов, Изабелла. Это для контроля, — он подается еще ближе. Теперь я могу рассмотреть золотистые крапинки в его радужке. — Знаешь, что нравится мне?

Вжимаюсь в спинку дивана. Мотаю головой. Не хочу знать. Но мозг уже ловит каждое слово.

— Абсолютная власть, — произносит он негромко. — Когда женщина перестает думать. Когда она полностью доверяет мне свое тело. Мне нравится доводить её до края, держать там, на грани срыва, слышать, как она умоляет... А потом дать ей то, о чем она просит.

Внизу живота вспыхивает сверхновая.

Сжимаю бедра, пытаюсь унять эту внезапную, предательскую пульсацию. Кожа покрывается мурашками. Перед глазами мелькают картинки: его руки, жестко фиксирующие мои запястья. Его губы на моей шее. Его голос, приказыва-

ющий мне...

Кажется, я перестала дышать. В комнате стало невыносимо жарко.

Он видит это. Видит, как расширились мои зрачки. Уголок его губ ползет вверх в удовлетворенной ухмылке.

Резкая трель мобильного разрывает эту густую, липкую тишину.

Вздрагиваю, едва не разлив остатки вина.

Кейн морщится, доставая телефон из кармана брюк. Бросает взгляд на экран. Челюсти мгновенно сжимаются.

— Твою мать, — цедит он сквозь зубы. Встает. Маска хищника сменяется маской холодного бизнесмена. — Это по сделке. Мне нужно ответить.

Он разворачивается и быстрым шагом уходит в сторону кабинета.

Сижу на диване, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотится где-то в горле. Пальцы трясутся так сильно, что мне приходится поставить бокал на стол обеими руками.

Жесть. Просто жесть.

Выхватываю свой телефон. Набираю номер Лорен. Три гудка кажутся вечностью.

— Да, крошка? — её голос на фоне какой-то клубной музыки. — Ты чего не спишь в своем замке Дракулы?

— Ло, я в полной заднице. Мне срочно нужен твой мозг, потому что мой только что расплавился.

В трубке становится тише. Видимо, она вышла в коридор.

— Что случилось? Он тебя раскусил? Узнал, что ты Миа?!

— Нет! Хуже.

— Он тебя уволил из фиктивных жен?

Вскакиваю с дивана и начинаю мерить шагами ковер.

— Сегодня утром я случайно нашла в его спальне БДСМ-атрибутику. Наручники, плетки. А потом он застукал меня там.

— Охренеть, — выдыхает Лорен. — Пятьдесят оттенков Кейна. И что он сделал?

— Прижал меня к тумбочке и велел снять блузку!

— И ты сняла?!

— Нет! Нас прервала его бывшая, или кто она там. Эмбер. Она приперлась прямо домой, лапала его у меня на глазах. Но это еще не всё. Пять минут назад мы сидели в гостиной, и он спросил, что меня заводит в постели!

— О-о-о... — тянет Лорен. Я прямо вижу, как она ухмыляется. — И что ты ответила?

— Какую-то чушь про нежность и романтику. А он выдал лекцию о том, как любит доминировать, контролировать и доводить женщин до края. Ло, я чуть не потекла прямо на этот гребаный дизайнерский диван.

Молчание. Затем Лорен громко смеется.

— Детка, ну тут всё очевидно.

— Что очевидно? Что он маньяк?

— Что он хочет тебя трахнуть, — отрезает подруга. — Причем жестко и со вкусом.

Останавливаюсь посреди комнаты.

— Бред. У нас контракт. Он сам сказал: никакого интима. Я для него мебель.

— Мужики не рассказывают «мебели» о своих сексуальных фетишах, глядя прямо в глаза, Изи. Он прощупывает почву. Тестирует твои реакции. И судя по всему, реакция ему понравилась.

Прижимаю ладонь к горящему лбу.

— Ло, я не могу. Если мы переспим... если он узнает, кто я... Это будет катастрофа. Он же уничтожит меня. Я не переживу это во второй раз.

— Слушай меня внимательно, — голос Лорен становится серьезным. — Ты не та забитая девчонка-соседка. Ты шикарная, умная женщина. Пофлиртуй с ним. Поиграй. Покажи зубки. Пусть он побегает.

— Я не умею флиртовать! Я два года жила, как монахиня после развода!

— Научись! Иначе он сожрет тебя живьем своей властью. Не давай ему контролировать ситуацию.

Поиграть с ним? Покажи зубки?

Лорен явно переоценивает мои таланты.

Глава 6.

Солнце бьет прямо в лицо, безжалостно разрезая полумрак спальни. Жмурюсь, натягивая одеяло на голову. Всю ночь я ворочалась, прокручивая в голове вчерашний вечер. Его темный, тяжелый взгляд. Его голос, с хрипотцой рассказывающий о том, как он любит доводить женщин до грани.

После того, как он ушел в кабинет, так и не вернулся обратно.

Отбрасываю одеяло. Тело ломит от напряжения. Накидываю тонкий шелковый халат — плохая идея, он холодит кожу и ни черта не скрывает, но сил искать что-то другое нет.

Спускаюсь на кухню на цыпочках, надеюсь, что он уже свалил в свой стеклянный офис управлять миром.

Мечтай, Изабелла.

Кейн сидит за кухонным островом. Темно-синий костюм, идеальный узел галстука, волосы зачесаны назад. Ни единого изъяна. Он листает что-то в планшете, пока кофемашина с шипением выдает порцию эспresso.

Замираю в дверях. Почему он с утра пораньше выглядит как ожившая реклама дорогих часов и порока?

Он поднимает голову. Взгляд мгновенно цепляется за мой халат. Скользит по V-образному вырезу, спускается к голым ногам и неспешно возвращается к лицу. Кожа под этим взглядом начинает гореть.

— Решила проспать свой первый рабочий день в должности жены? — его тон ровный, но в глазах пляшут черти.

— Восстанавливала нервную систему после твоих вечерних откровений, — огрызаюсь, подходя к кофемашине. Стараюсь держать спину прямо, хотя под лопатками зудит от его взгляда. — Можно кофе?

— Бери, — он отодвигает свою чашку в мою сторону. — Тебе сегодня понадобится много кофеина. Через два часа у нас съемка.

Моя рука замирает на полпути к чашке.

— Какая еще съемка?

— Для прессы. Глянец, пара бизнес-изданий. Нужно скормить им сказку о нашей внезапной и страстной любви.

Внутри все сжимается в ледяной ком. Пресса. Камеры. Крупные планы. А если кто-то из Делеса увидит эти фото? Если кто-то узнает в вылизанной жене миллиардера ту самую Мию Томпсон с брекетами и дурацкими косичками?

— Мы так не договаривались, — разворачиваюсь к нему. Голос дрожит, и я ненавижу себя за это. — Я не модель. Я не умею позировать, не умею улыбаться по команде. Я на фотографиях обычно получаюсь как человек, которого ударили током!

Он откладывает планшет. Медленно встает.

— Изабелла. Выдохни.

— Не буду я выдыхать! Я испорчу тебе всю обложку. Найми дублершу!

Кейн делает шаг ко мне. Оказывается вплотную. Перехватывает мою руку, которая судорожно теребит пояс халата.

Его пальцы смыкаются на моем запястье. Теплые. Жесткие. Пульс под его большим пальцем начинает биться так бешено, что он точно это чувствует.

— Никто тебя не заставит изображать супермодель, — говорит он низко, глядя мне прямо в глаза. Большой палец начинает вычерчивать медленные круги на моей коже. Разряд. Еще один. — Будь собой. Огрызайся, морщи нос. Мне нужна живая женщина в кадре, а не пластиковый манекен. Справишься?

Смотрю на его губы. Вспоминаю, как он сказал: «У тебя красивые глаза, Миа».

Моргаю, сбрасывая наваждение. Это было тринадцать лет назад. Сейчас всё иначе.

— Я постараюсь ничего не разрушить, — бурчу, выдерживая руку. Место захвата горит огнем.

— Отлично. Собирайся. Стилисты ждут.

Фотостудия — это филиал ада на земле.

Гул голосов, слепящий свет софитов, снующие туда-сюда ассистенты с кофе и какими-то проводами. Меня впихивают в гримерку, усаживают перед зеркалом с лампочками.

Девушка с ярко-розовым каре накидывается на меня с кистями.

— Матерь божья, какие скулы! — щебечет она, размазы-

вая по моему лицу тон. — Мистеру Райту повезло. Ты же понимаешь, что мы сейчас сделаем из тебя просто бомбу?

Сию как статуя, пока она колдует. Внутри нарастает паника. Я пряталась. Стирала себя. А сейчас меня выставят на всеобщее обозрение.

— Готово! Влезай в платье!

Смотрю на вешалку. Черный шелк. Глубокий вырез на спине, тонкие бретели. Ткань струится сквозь пальцы.

Когда я натягиваю его и поворачиваюсь к зеркалу, дыхание перехватывает. Платье облегает так плотно, словно это вторая кожа. Грудь приподнята, талия стянута. Я выгляжу... хищно. Дорого. Незнакомо.

Дверь гримерки открывается.

Кейн.

Он останавливается на пороге. Взгляд упирается в меня, и я физически ощущаю этот удар. Он медленно скользит по линии выреза, по обтянутым бедрам. Воздух в тесной комнате мгновенно выгорает.

— Стилисту выписать премию, — хрипло бросает он, не отрывая от меня глаз.

Сглатываю.

— Я в этом даже дышать нормально не могу.

— Тебе не нужно дышать. Тебе нужно просто стоять рядом, — он протягивает руку. — Пошли. Нас ждут.

Выходим на площадку. Фотограф начинает махать руками.

— Так, молодожены, в центр! Ближе! Кейн, руку ей на талию. Изабелла, почему вы зажались, как перед расстрелом?!

Легко ему орать.

Кейн подходит вплотную. Его рука ложится мне на талию. Жар пробивает тонкий шелк платья. От него пахнет кофе и тем самым древесным парфюмом.

— Расслабь плечи, — шепчет мне в макушку.

— Я расслаблена.

— Ага. Твоя спина сейчас сломается от напряжения.

— Не верю! — орет фотограф. — Где химия?! Вы же спите друг с другом, черт возьми! Дайте мне страсть! Дайте искру!

Спим друг с другом. Блин. Если бы он знал.

— Посмотри на меня, — командует Кейн.

Поднимаю голову. Вспышки камер слепят, но его лицо четкое. Слишком близко.

— Выключи голову, Изабелла, — его голос падает до вибрации, которую я чувствую кожей. — Забудь про них. Тут только я.

Его вторая рука скользит по моей открытой спине вверх, пальцы зарываются в уложенные волосы на затылке. Мурашки табуном несутся вдоль позвоночника.

— Отлично! Контакт глазами есть! Теперь поцелуй! Медленно! — надывается фотограф где-то на фоне.

Что?

Не успеваю даже пискнуть. Кейн наклоняется.

Его губы накрывают мои. Не для кадра. Не постановочно. Это жестко, собственнически. Он приоткрывает мой рот, и его язык скользит внутрь со вкусом крепкого кофе.

Шум студии просто вырубает. Вспышки, крики — всё стирается.

Ноги подкашиваются. Инстинктивно хватаюсь за лацканы его пиджака, комкая дорогую ткань. Тело предает мозг. Я отвечаю. Отвечаю так, словно ждала этого всю жизнь. Раскрываюсь навстречу, прижимаясь грудью к его твердому торсу. Сквозь ткань чувствую, как бешено бьется его сердце. Или это мое?

Его пальцы на моем затылке сжимаются сильнее, удерживая на месте, углубляя поцелуй до неприличия. Внизу живота разливается горячий, тяжелый свинец. Я хочу, чтобы он не останавливался. Хочу...

— Роскошно! Снято! Перерыв пять минут!

Голос фотографа бьет как ледяной водой.

Кейн отрывается от моих губ.

Мы оба тяжело дышим. Мои руки все еще судорожно сжимают его пиджак. Пялюсь на его потемневшие глаза.

Он поднимает руку. Большой палец проходит по моей припухшей нижней губе, стирая смазанную помаду. От этого легкого касания внутри всё переворачивается.

— С задачей справилась, — хрипит.

Разворачивается и уходит к ассистентам, оставляя меня стоять посреди площадки.

Ноги дрожат так, что я едва не падаю на глянцевый пол.

Это был просто кадр. Просто игра для прессы.

Но почему тогда мои губы горят огнем, а в голове только одна мысль: я хочу еще?

Глава 7.

Запах жженой карамели и свежемолотой арабики бьет в нос, стоит только толкнуть стеклянную дверь «La Petite».

Лорен уже оккупировала наш любимый угловой диванчик. Перед ней дымится огромная кружка капучино, а длинные пальцы с неоновым маникюром яростно стучат по экрану телефона.

Стягиваю солнцезащитные очки. Глаза режет даже от приглушенного света ламп — последствия двухчасового расстрела вспышками камер. Плюхаюсь напротив, бросая сумку на соседний стул.

— Живая, — констатирует Лорен, отрываясь от телефона. Прищуривается, сканируя мое лицо с дотошностью. — И подозрительно румяная. Вас там что, заставляли бегать кросс перед объективом?

Прикладываю холодные ладони к щекам. Они всё еще горят. Губы тоже горят. Кажется, на них намертво отпечатался вкус его кофе и мятной жвачки.

— Софиты жарят как в преисподней, — вру, утыкаясь взглядом в меню, хотя знаю его наизусть.

— Ага. Софиты, — фыркает подруга. — Изи, у тебя видок, будто тебя только что качественно отымили прямо на столе фотографа. Признавайся, что вычудил твой фиктивный мужик?

Желудок делает сальто.

Вспоминаю, как его пальцы зарывались в мои волосы на затылке. Как жестко он прижал меня к себе. Как язык похотейски скользнул в мой рот.

— Ничего он не вычудил, — выдавливаю из себя, подзывая официанта кивком. — Фотограф орал, что мы похожи на двух манекенов. Требовал искру.

— И?

— И нам пришлось... поцеловаться, — слово застревает в горле.

Брови Лорен ползут на лоб, скрываясь под челкой.

— Просто поцеловаться? Ради кадра? Изи, ты красная как вареный рак. Он засунул тебе язык до самых слюнных желез?

— Лорен! — шиплю, оглядываясь на соседние столики. — Заткнись. Это была просто работа. Контракт. Отработали дубль и разошлись.

Она громко отхлебывает кофе. Глаза блестят от насмешки.

— Рассказывай эти сказки своему отражению. Ты потекла, подруга. Смирись.

— Двойной эспрессо. И побыстрее, — бросаю подошедшему парню в фартуке. Снова перевожу взгляд на Лорен. — Хватит обо мне. Что там твой Джейсон? Не сбежал еще от твоих кулинарных экспериментов?

Тема срabатывает. Лорен мгновенно переключается.

— Сбежал? Ха! Он мне вчера сам готовил. Ризотто с ка-

кими-то дикими трюфелями. Я думала, язык проглочу.

— Повезло. Хоть кто-то в вашей паре умеет не сжигать яичницу.

Она наклоняется над столом, понижая голос до заговорщицкого шепота.

— Изи, у него руки... это просто легальное оружие. Он на кухне так с ножами управляется, а в постели... Короче, соседи снизу сегодня утром стучали по батарее.

Улыбаюсь, хотя внутри шевелится мерзкий, липкий червяк зависти. У Лорен всё просто. Встретила парня. Захотела. Переспала. Никаких многомиллионных контрактов, тайн прошлого и детских травм.

Официант ставит передо мной крошечную чашку с черной жижей. Залпом выпиваю половину. Горечь бьет по рецепторам, проясняя мозги.

— Так, а теперь о главном, — Лорен хлопает ладонью по столу. — Сегодня пятница. Джейсон достал два VIP-браслета в «Бархат».

Замираю с чашкой в руке.

— Ло, нет. Я пас.

— В смысле «пас»?! — возмущается она. — Там бронь на столы расписана на месяц вперед!

— У меня контракт. Я теперь жена генерального директора. Мне нельзя светиться в клубах с непонятными коктейлями и танцами на барной стойке. Если папарацци солят фото...

— Да какие папарацци в VIP-зоне? Там охрана жестче, чем в Пентагоне! — она тянется через стол и хватает меня за руку. — Изи, ты перегоришь. Ты два года сидела в офисной клетке, а теперь заперла себя в стеклянном пентхаусе с маньяком-миллиардером. Тебе нужно напиться. И потрясти задницей под нормальный бас.

Смотрю на ее умоляющее лицо.

Мой затылок до сих пор помнит тяжесть ладони Кейна. Мои губы все еще горят. Если я останусь вечером в этой пустой, стерильной квартире одна, я сойду с ума.

— Только без твоей любимой текилы, — сдаюсь, массируя виски.

— Да! — она чуть не опрокидывает свой кофе. — Заеду в десять. Надень то черное платье с вырезом.

Басы бьют прямо в грудную клетку, заставляя ребра вибрировать.

«Бархат» оправдывает свое название. Темно-бордовые стены, приглушенный неоновый свет, запах дорогого алкоголя, кальяна и разгоряченных тел. Людей на танцполе — месиво.

Лорен тащит меня за руку сквозь толпу.

Джейсон ждет нас у барной стойки. Высокий, с легкой небритостью и обаятельной улыбкой. Он целует Лорен так, словно они не виделись год.

Отворачиваюсь. Смотреть на это физически больно.

— Привет, Изабелла. Наслышан, — Джейсон протягивает мне руку. Хватка крепкая. Поварская. — Что пьем?

— Мохито. Со льдом.

Он кивает бармену.

Алкоголь обжигает горло, приятно холодя желудок. Напряжение, державшее меня в тисках с самого утра, начинает медленно отпускать. Мышцы шеи расслабляются.

— Пошли! — Лорен выхватывает у меня пустой стакан, отдает Джейсону наши сумки. — Мне нужно место, чтобы развернуться!

Танцпол засасывает.

Закрываю глаза. Ритм берет управление телом на себя. Позволяю себе просто двигаться. Не думать о том, как я выгляжу. Не думать о Кейне. О контракте. О том, что завтра мне снова придется играть роль влюбленной дурочки. Здесь темно. Здесь всем плевать. Волосы липнут к вспотевшей шее. Жарко. Свободно.

Резко открываю глаза, чтобы убрать мешающую прядь с лица.

Взгляд инстинктивно цепляется за балкон второго этажа. Там VIP-ложи. Диваны из темной кожи, скрытые за полупрозрачными экранами.

Легкие сжимаются так резко, словно из меня выкачали весь кислород.

Кейн.

Он сидит на одном из диванов. Темная рубашка расстег-

нута на две пуговицы. Но смотрю я не на него.

На его коленях сидит женщина.

Красное платье, задрванное до неприличия высоко. Рыжие волосы. Эмбер.

Она наклоняется к нему. Ее руки, украшенные острыми алыми ногтями, обвивают его шею, зарываясь в темные волосы. Те самые волосы, которые я сегодня утром трогала. Она целует его. Взасос. Грязно. Откровенно. На глазах у всего гребаного клуба.

А его руки... Его руки лежат на ее бедрах.

Желудок падает куда-то в район пяток, оставляя после себя ледяную тошноту. В ушах начинает звенеть, перекрывая грохот басов.

Это контракт. Просто сделка. Он говорил, что интим не входит в условия. У него своя жизнь.

Логика орет матом в моей голове, но тело реагирует иначе. Горло перехватывает спазмом. Меня сейчас просто стошнит.

— Изи?

Чья-то рука трясет меня за плечо.

С трудом перевожу взгляд. Лорен. Она смотрит на меня, потом прослеживает траекторию моего взгляда. Наверх. На балкон.

Ее лицо мгновенно каменеет.

— Это он, да?

Еле киваю.

— Ах он ублюдок, — шипит, перекрикивая музыку. Хва-

тает меня за локоть с такой силой, что остаются синяки. — Идем.

Она буквально выволакивает меня с танцпола.

Мой локоть горит от ее хватки. Мы прорубаем путь сквозь толпу. В нос бьет кислый запах чужого пота, смешанный с пролитым Ред Буллом и тяжелым парфюмом. Лазерные лучи режут сетчатку.

Дыши, Изабелла. Просто дыши. Это его личное время. Он купил твое присутствие на публике, а не твою жизнь. Кого он зажимает в темных углах — тебя не касается. Ты никто. Мебель с пропиской в гостевой спальне.

Вываливаемся к барной стойке. Джейсон дергается нам навстречу, едва не роняя стопку салфеток.

— Какого... Девочки, на вас лица нет, — он хмурится, сканируя толпу за моей спиной. — Кого-то позвать? Охрану? Козёл какой-то пристал?

— Текилу позови, — рывкает Лорен, вставая так, чтобы полностью загородить мне обзор на второй этаж. — Три порции. С лимоном. Живо, Джейс.

Он молча кивает и исчезает.

Лорен разворачивается ко мне. Берет за плечи, жестко встряхивая.

— Только попробуй пустить слезу. Слышишь меня? Этот самовлюбленный кусок дерьма не стоит даже потекшей туши.

— Я не плачу, — хриплю. — С чего бы мне плакать? У нас

договор. Я получаю деньги. А с кем он там... обменивается слюной — его проблемы.

Лорен щурится.

— Кому ты сейчас врешь? Мне или себе? У тебя руки трясутся.

Прячу ладони. Черт. Она права. Меня колотит, будто я стою на морозе в одном белье. Зубы стучат.

— Я просто... не ожидала, что это будет так открыто, — выдавливаю из себя, глядя на темное дерево столешницы.

— Он мудака, Изи. Классический, богатый мудака с непомерным эго. Заруби это себе на носу.

Джейсон втискивается между нами с подносом. На нем три шот-гласса. Хватаю первый, даже не взяв лимон. Опрокидываю в себя.

Жидкость обжигает пищевод, вышибая слезы из глаз. Жжет дико. Отлично.

— Еще одну, — толкаю пустую рюмку в сторону Джейсона.

— Тормози, — Лорен перехватывает мое запястье. — Хватит. Мы идем танцевать. Вытрясем из тебя эту дурь. Покажем ему, что тебе глубоко и искренне насрать на его похождения.

Она тянет меня обратно в гущу тел.

Снова танцпол. Басы лупят прямо по черепу. Дергаюсь в ритм, заставляя себя поднять руки, заставляя себя улыбаться. Пластиковая улыбка для пластиковой жизни.

Взгляд сам, предательски, ползет наверх. На тот самый балкон.

Кожаный диван пуст.

Их нет.

Воздух снова кончается. Они ушли. Куда? В отель? По-ехали в пентхаус? На ту самую кровать с черным шелком?

Мозг услужливо подкидывает картинку: рыжие волосы разметались по темной подушке, его руки сжимают ее бедра.

Стискиваю зубы так сильно, что сводит челюсть.

— Забей на него! — кричит Лорен мне прямо в ухо, перекрывая рев динамиков. — Ты сегодня королева! Отрывайся!

Королева. Усмехаюсь, проглатывая горький ком. Королева с фальшивым именем, фиктивным мужем и долгами по кредитке.

Закрываю глаза. Двигаюсь активнее, агрессивнее. До ломоты в суставах, до жжения в икрах. Алкоголь наконец-то бьет в голову тяжелой, мутной волной, смазывая картинку, притупляя эту сосущую пустоту внутри.

Завтра будет жесткое похмелье. Завтра мне будет стыдно за эти танцы. Завтра мне придется смотреть в его наглые, темные глаза за завтраком и делать вид, что ничего не произошло.

Но сегодня я просто выжгу его из своей головы. Вытанцую. Выпью. Вытравлю.

Глава 8.

Кейн

Двенадцатилетний односолодовый обжигает глотку, но градус вообще не берет. Как вода. Внутри всё равно скручивается тугой, зудящий узел, который не отпускает с самого утра. Перед глазами намертво въелась картинка из фотостудии: приоткрытые губы Изабеллы, её судорожный вдох, то, как её тело идеально вписалось в мои руки. Блядь. Я почти потерял контроль под этими чертовыми софитами.

Эмбер виснет на моем плече, её острые ногти царапают ткань пиджака, а приторный цветочный парфюм забивает нос, вызывая глухое раздражение.

— ...и прикинь, этот кретин реально думал, что я соглашусь на Мальдивы в несезон. Я ему говорю: Ричард, ты в своем уме? — Эмбер закидывает ногу на ногу, потираясь бедром о моё колено.

Киваю, даже не вникая в смысл её трепа. Я притащил её в вип-ложу с одной целью — заглушить этот навязчивый зуд. Сбросить напряжение, трахнуть её в отеле по старой памяти и забыть. Дешевый, проверенный способ очистить кэш. Но схема сломалась. Одно её прикосновение сейчас вызывает только желание отодвинуться.

Отворачиваюсь от бара и смотрю вниз, на танцпол. Месиво из потных тел, пульсирующий неон.

Взгляд цепляется за темную макушку. Скользит ниже.
Блядь.

Изабелла.

Её платье — это просто кусок черного шелка, едва прикрывающий задницу. Она двигается в такт тяжелому басу, запрокинув голову, закрыв глаза. Свободная. Дикая. Волосы липнут к влажной шее. От одного вида того, как изгибается её талия, кровь мгновенно отливает от головы вниз. Член каменеет, упираясь в плотную ткань брюк.

Сжимаю стакан так, что стекло трещит. Какого хрена она здесь делает? Одна?

— Ого, — Эмбер прослеживает мой взгляд, её голос ментально пропитывается ядом. — Твоя фиктивная мышка решила выгулять себя? А платье-то, смотри, как раз для съема.

Не смотрю на Эмбер. Просто с силой ставлю стакан на стол. Лед звякает о стекло.

Внизу к Изабелле подваливает какой-то хмырь. Белая рубашка расстегнута на груди, сальная улыбка. Он подходит сзади и по-хозяйски кладет ладони на её талию. Изабелла вздрагивает, но не отталкивает его сразу. Видимо, алкоголь тормозит реакцию. А этот урод прижимается пахом к её бедрам.

В ушах начинает звенеть. Красная пелена застилает обзор. Разворачиваюсь и иду к лестнице. Эмбер что-то вякает вслед, но я её не слышу. Врубаюсь в толпу на танцполе, рас-

талкивая людей плечами. Кто-то возмущенно орет, кто-то проливает на меня коктейль. Плевать.

Подлетаю к ним. Хватаю урода за плечо, впиваясь пальцами в мышцу, и с силой дергаю на себя. Он отлетает назад, едва не свалив какую-то девчонку.

— Руки убрал. Живо.

Парень пьяно моргает, выпячивая грудь.

— Эй, полегче, мужик! Мы тут вообще-то...

Делаю шаг к нему. Нависаю сверху.

— Еще одно слово, и ты будешь собирать свои зубы сломанными пальцами. Исчез отсюда.

Он сглатывает, оценивает мои габариты, бормочет что-то невнятное и растворяется в толпе.

Поворачиваюсь к Изабелле. Её зрачки расширены, грудь тяжело вздымается. И вместо страха или благодарности в её глазах полыхает чистая ярость.

— Какого хрена ты творишь?! — орет она, пытаюсь перекричать басы.

От её тона меня перемыкает окончательно.

— Какого хрена я творю?! — хватаю её за локоть, дергаю на себя. — Ты позволяешь первому встречному ублюдку тереться об себя!

Она пытается вырвать руку. Бесполезно. Держу мертво.

— Отпусти! Ты мне никто, чтобы указывать!

— Я твой муж.

Она истерично смеется мне в лицо.

— На бумаге! Забыл, Райт?! У нас гребаный контракт! Иди дальше вылизывай свою рыжую подстилку на балконе, а мне не смей указывать!

Её слова бьют точно в цель. Значит, видела.

— Ах, контракт? — цежу сквозь зубы, наклоняясь к её лицу. — То есть, раз брак фиктивный, это дает тебе зеленый свет вести себя как дешевая шлюха?

Хлесткий звук удара тонет в музыке, но щека вспыхивает огнем. Моя голова дергается в сторону. Изабелла стоит, тяжело дыша. Её ладонь сжата в кулак, в глазах стоят слезы, смешанные с такой жгучей ненавистью, что меня прошибает током.

— Не смей, — шепчет она одними губами.

Резко разворачивается и ввинчивается в толпу. А я остаюсь стоять посреди танцпола. Щека горит. Блядь. Идиот.

Изабелла

Холодные капли бьют по лицу, смешиваясь с тушью и слезами. Воздух на улице пахнет озоном и мокрым асфальтом, после спертого клубного угара он обжигает легкие. Бегу, не разбирая дороги. В ушах до сих пор долбит бас, а поверх него — его слова.

«Дешевая шлюха».

Вот же мразь. Какая же самоуверенная, лицемерная мразь! Сам зажимал эту рыжую стерву у всех на виду, а меня смешал с грязью за гребаный танец!

Каблук скользит по мокрой брусчатке. Нога подворачива-

ется с острой болью. Тихо матерюсь, опираясь рукой о стену какого-то здания. Кирпич царапает ладонь. Наклоняюсь, срываю с ног эти дурацкие босоножки. Босые ступни обжигает ледяной асфальт. Плевать. Главное — подальше от этого места. От него.

— Изабелла! Стой, блядь!

Голос Кейна разрезает шум ливня. Сердце падает в желудок. Ускоряю шаг, почти срываясь на бег. Грязная вода из луж брызгает на ноги, подол платья промок и липнет к бедрам.

Тяжелые шаги за спиной настигают меня за секунду. Его рука жестко обхватывает меня поперек живота.

— Пусти! — визжу, вырываясь. Бью свободной рукой куда-то назад. Попадаю по твердому плечу. Ему хоть бы хны.

— Успокойся, — рычит он над самым ухом.

Мир делает резкий кульбит. Визжу уже от неожиданности, когда Кейн перекидывает меня через плечо, как мешок.

— Поставь меня на землю, псих! — колочу кулаками по его спине. Ощущение, что бью кирпичную кладку. Под мокрой рубашкой перекачиваются мышцы.

Он не отвечает. Просто несет меня к черному внедорожнику, припаркованному у обочины. Распахивает пассажирскую дверь и сгружает меня на сиденье. Не успеваю даже дернуться к выходу, как он нависает надо мной. С его волос капает вода. Запах дождя и крепкого алкоголя забивает рецепторы.

— Пристегнись.

— Иди к черту. Я никуда с тобой не поеду.

Его челюсти сжимаются. Он сам тянется за ремнем. Его предплечье мажет по моей груди. Отшатываюсь, вжимаясь в кожаную обивку. Щелчок замка звучит как приговор.

Кейн обходит машину, садится за руль. Хлопает дверью так, что стекла дрожат. Мотор взрывается.

— Ненавижу тебя, — цежу, глядя в залитое дождем окно.

— Взаимно, — ровно отвечает, выруливая на дорогу.

В салоне повисает тяжелая, звенящая тишина. Работают только дворники. Меня трясет. То ли от холода, то ли от адреналина, который до сих пор кипит в крови.

Поворачиваю к нему голову. Не могу молчать. Меня распирает от злости.

— Зачем ты вообще за мной поперся? Сидел бы там, развлекался. Что, бывшая не дала? Или решил поиграть в ревнивого муженька для разнообразия?

Визг тормозов. Машина резко клюет носом, ремень больно впивается мне в ключицу. Внедорожник замирает прямо посреди пустой улицы.

Кейн медленно поворачивает ко мне голову. Лицо — камень. Глаза темные, почти черные в полумраке салона.

— Да. Я ревную.

Воздух застревает в легких. Моргаю.

— Что?

— Я ревную, Изабелла. До потемнения в глазах, — его

голос звучит пугающе ровно. Ни капли пьяного угара. Абсолютный, ледяной контроль. — Когда я увидел, как тот кусок дерьма тебя трогает, я хотел сломать ему шею.

Сглатываю. В горле пересохло.

— С чего бы? Мы просто партнеры. Ты сам установил правила.

— К черту правила. К черту контракт, — он отстегивает свой ремень. Подается ко мне. Ближе. — Я хочу тебя. Не для прессы. Не на бумаге.

Сжимаюсь в кресле.

— Ты пьян. Несешь бред.

— Трезвее некуда, — его рука поднимается. Большой палец ложится на мою мокрую щеку, стирая размазанную тушь. От этого прикосновения по позвоночнику бьет ток. — Я же вижу, как тебя трясет, когда я рядом. Вижу, как ты на меня смотришь.

— Никак я не смотрю, — шепчу. Вранье. Жалкое вранье.

Его пальцы зарываются в мои мокрые волосы на затылке.

— Я заберу тебя. Всю. И ты сама этого попросишь.

— Слишком самоуверенно, — выдыхаю, чувствуя, как пульс долбит в висках. — Я не сдамся просто так.

Уголок его губ дергается в полуулыбке. Опасной. Хищной.

— Сопротивляйся сколько влезет. Меня это только больше заводит. Но я всегда получаю своё.

Его губы обрушиваются на мои. Жестко. С жадностью из-

голодавшегося зверя. Никакой нежности. Он сминает мои губы, его язык собственнически проникает в мой рот. Протест умирает, так и не родившись. Мои пальцы сами, вопреки здравому смыслу, вцепляются в лацканы его мокрого пиджака. Тело плавится. Отвечаю на поцелуй, прикусывая его нижнюю губу.

Он отрывается от меня со сдавленным рыком. Мы оба тяжело дышим. В машине нечем дышать.

Его лоб прижимается к моему.

Кейн отстраняется, возвращается на свое место. Врубает передачу. До самого пентхауса мы не произносим ни слова. И эта тишина пугает меня больше, чем любые слова. роной.

Глава 9.

Изабелла

Свет бьет сквозь щель в шторах прямо по глазам, раскалывая череп надвое. Жмурюсь, зарываясь лицом в подушку. Во рту пустыня, виски пульсируют в такт ударам сердца.

Вчерашняя ночь вспыхивает в мозгу рваными кадрами. Басы клуба. Дождь. Мокрое сиденье внедорожника. И его рот на моем. Жесткий, властный поцелуй, выбивший из меня остатки кислорода и здравого смысла. А потом его слова: «Я хочу тебя. Всю.» И я... что я сделала? Я, блин, кивнула? Или просто промолчала, расплавившись под ним, как дешевый воск?

Жесть. Какая же жесть.

С трудом отдираю себя от матраса. Холодный душ немного сбивает температуру тела, но не вымывает из головы его запах. Этот чертов микс дождя и крепкого алкоголя намертво въелся в рецепторы.

Спускаюсь на первый этаж на автопилоте. Мне нужна ударная доза кофеина, иначе я просто сдохну прямо на этой дизайнерской лестнице.

Надежда проскользнуть незамеченной дохнет на входе в кухню.

Кейн уже там. В темно-синем костюме, свежий, собранный, без единого признака похмелья или недосыпа. Водит

пальцем по экрану планшета, пока кофемашина с шипением выдает порцию эспresso. Идеальный. Аж бесит.

— Выжила? — бросает, даже не поднимая головы.

Игнорирую его тон. Прохожу к стойке, стараясь держаться на безопасном расстоянии.

— Я бы предпочла амнезию, но кофе тоже сойдет.

Кейн откладывает планшет. Медленно выпрямляется. Звук его шагов по плитке отдается гулом в моей больной голове. Пячусь назад, пока лопатки не впечатываются в холодную сталь холодильника.

Он подходит вплотную. Упирается ладонями в дверцу по обе стороны от моего лица. Ловушка захлопнулась. Запах кедрa и чистого тела мгновенно перекрывает аромат кофе.

— Что именно ты хочешь забыть? — его голос падает на октаву. — Как терлась о какого-то хмыря на танцполе? Или то, что было в машине?

Сглатываю. Взгляд падает на его губы. Вспоминаю их вкус. Черт.

— Мне нужно идти собираться. Мы с моей подругой пойд...

— Никуда вы не идете, — обрывает ровным, непроницаемым тоном. — Напиши своей подруге, что планы изменились.

Вскидываю подбородок. Злость наконец-то пробивается сквозь похмельную муть.

— Я тебе не подчиненная, чтобы ты мне график кроил.

Наш контракт не включает круглосуточный контроль.

— Час на сборы, — он наклоняется, его губы оказываются в миллиметре от моего уха. Волоски на затылке встают дыбом. — И только попробуй заставить меня ждать.

Он отстраняется так же резко, как и подошел, забирает свою чашку и выходит из кухни.

Стою, прижавшись к холодильнику. Пальцы впиваются в столешницу. Идиотка. Нужно было послать его. Сказать «нет». Но вместо этого я иду наверх и открываю шкаф.

Салон Range Rover пропитан тишиной и тихими аккордами Шопена. Контраст между умиротворяющей классикой и электрическим напряжением, висящим в воздухе, просто выносит мозг.

Едем уже час. Трасса давно сменилась узкой дорогой, петляющей между вековыми соснами. Кейн рулит одной рукой. Взгляд прикован к дороге. Я пялюсь на его длинные пальцы, лежащие на кожаной оплетке руля. На выступающие вены на предплечьях.

Отвернись. Хватит пялиться.

— Может, снизойдешь до объяснений? Куда мы едем? — не выдерживаю.

— Туда, где нам не будут мешать, — коротко отвечает он. Очень информативно.

Деревья расступаются, и машина выкатывается на гравийную площадку. Впереди — озеро, гладкое, как темное зер-

кало. А на берегу — огромный дом из стекла, бетона и черного дерева. Ни соседей. Ни камер. Ни папарацци. Глухая изоляция.

Вылезаю из машины. Свежий лесной воздух бьет по легким. Кейн подходит сзади. Его ладонь ложится мне на поясницу. Жар прошибает даже сквозь ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.